

ПРАВО КОК-ТЮРКОВ

Т.С. ЖУМАГАНБЕТОВ

Орхонские тюрки, этот этнос известен в истории еще как древние тюрки, тюрки-тюцзюэ, тюркюты, ранние тюрки, в западной исторической науке как «кок-тюрки» и т.д., в силу исторических обстоятельств VI века, связанного с формированием у них каганата – государственной организации, выработали основные положения своего публичного или государственного права, – которое получило название «торе», «торелик». Ссылки на данный документ сохранились в древнетюркских стелах и других источниках. При всех указаниях средневековых авторов о существовании цельного письменного документа, – свода основных законов древних тюрков, сам документ на данный момент известен фрагментарно и на данный момент требует реконструкции.

Термин «государственное право» в современной юридической практике используется «для обозначения отрасли права, регулирующей основы социально-экономического, политического и территориального устройства государства, закрепляющей основные права и свободы граждан и определяющей систему органов государственной власти данного государства» [15, с. 59; 13, с. 596]. В данный период вытесняется понятием «конституционное право».

В отношении Древнетюркского каганата, совокупность законов, выявленных в источниках, реконструированных из исторических событий, и называемых торе, без сомнения, можно отнести к публичному, государственному праву тюрков. К сожалению, цельного нарративного документа «торе» не сохранилось. Однако огромный массив исторических и юридических материалов позволяет сделать реконструкцию основных положений этого документа, которые в основных чертах сформировались к эпохе правления Таспар кагана. Из этой массы на первом месте, без сомнения, стоит документ львовских кыпчако-армян XV века «Торе битиге». Совпадение в названиях здесь не случайно. При создании данного кодекса составители использовали более древний документ-книгу, который они так и называют – «Старый торе» [13, с. 582, 586, 596, 613]. В тексте идет постоянная ссылка на данный документ [13, с. 41, 585], тем самым составители «Торе битиге» преследуют цель авторитетом прежнего права придать легитимность новому документу. Использование слов «Тенгри» в виде понятия «бог» и самого слова «торе» в значении «закон, право» укрепляет наше мнение об основном источнике «старого торе». «Торе битиге» базируется на идеологической базе, выраженной формулами: «Бог (Тенгри) – Судья наших решений», «Приди бог (Тенгри) и вынеси свое

решение», судья должен быть правосудным ко всем, в т.ч. к сиротам и бедным [13, с. 614].

С одной стороны, это городской европейский кодекс законов (Речь Посполита), с другой стороны, в нем много элементов степного обычного права. Здесь нет явных общинных, коллективных начал при решении различных спорных вопросов. При этом присутствует основная концептуальная идея о возмещении причиненного физического (членовредительского) или материального ущерба материальными средствами. Так, например, в статье 23 [13, с. 629] за увечья, полученные одной стороной при драке с другим человеком, предусматривается наказание в виде оплаты медицинских услуг потерпевшей стороне, или статья 82: при продаже купцом или другим лицом недоброкачественного товара сделка считается недействительной, деньги и товар возвращаются прежним владельцам [13, с. 613]. Отдельного внимания заслуживают ряд статей, имеющих явные аналогии с древнетюркскими законами. Статья 21 предусматривает смертную казнь за кражу и продажу своих соотечественников в неволю, в рабство [13, с. 616], за изнасилование девушки или чужой жены. Освобождается от ответственности человек, убивший ночью вора в пределах своего хозяйства [13, с. 631], а вор, схваченный в момент совершения кражи, подвергается повешению (Статья 90, для сравнения в казахском обычном праве предусматривается повешение за кражу скота) [13, с. 586, 587].

В организационном плане к судьям предъявляются высокие моральные требования и знание нравов общества и религиозных установлений Старого и Нового закона (торе), исходя из которых он должен вынести справедливое решение [13, с. 623]. В процессуальном – наличие двух-трех свидетелей по делу [13, с. 626].

Интересной является норма, которая освобождает супруга-молодожена от призыва в армию. Здесь явная забота о воспроизводстве общества (Статья 69) [13, с. 597].

Отдельного внимания заслуживают аспекты, относимые к государственному праву. Если в Речи Посполитой и других странах Европы давно господствовал как государственная традиция майорат, то «Торе битиге» предлагает престол хана передавать младшим братьям, и только в случае смерти младших братьев хана власть могут занять сыновья хана, т.е. знакомая нам тюркская удельно-лествиничная система. Старший сын хана, равно как и его незамужняя дочь, имеет право выбрать себе по желанию любой удел.

В «Торе битиге» есть некоторые подробности престолонаследия, касающиеся женских наследников и концептуально относимые к этой системе передачи власти. В случае отсутствия мужских наследников престол переходит к дочери хана. Ее муж становится соправителем, но в случае его смерти власть возвращается к законной наследнице [1, с. 113]. Данные моменты показывают особую роль женщин во власти, в том числе у тюрков, и стремление сохранить власть за действующей династийной линией и родом. С.Г.Агаджанову удалось восстановить некоторые установления огузского торе. Базовым элементом в этом торе было признание законности власти старших и знатных по своему происхождению ханов и беков [1, с. 113], т.е. мы сталкиваемся с прямой легитимизацией большой патронимии. «Огузское торе, - пишет С.Г.Агаджанов, - признавало частную собственность, право завещания и передачи власти по наследству» [1]. Данные положения показывают, что содержание торе составлялось, прежде всего, из внепариритетных, особых прав верховного рода - рода Ашина в отношении государственной верховной власти. А.Н.Кононов, исследуя «Родословную туркмен», приводит отдельное, почти иллюстративное положение по этому поводу, которое сохранилось в виде заветов огузского Эля: «Если кто-либо окажется виновен (в преступлении), - находится ли этот человек близко или далеко от местопребывания государя, будет ли совершивший преступление человек из государева уруга или из какого другого уруга, если от хана придет человек, чтобы наказать его, пусть никто - ни брат хана, ни сын хана, ни беки его - не оказывают ему покровительства», нарушившие завет подвергаются смерти [8 с. 54]. К времени сложения государства Сырдарьинского ябгу право на верховную власть у огузов приобрели выходцы из бузуков [8, с. 54]. Не исключено, что верховный клан огузских ашинаидов был приписан именно к этому крылу.

Исходной правовой идеологией торе, без сомнения, была новая для кочевых скотоводов идея «правитель - верховный собственник» всего материального в границах государства, которая этимологически, на наш взгляд, выросла из кочевнической идеи «пастух и его стадо». Такая идеология могла быть во внешних чертах позаимствована у Китая, но без внутреннего «предрасположения» и готовности общества принять подобная идея не прижилась бы. Базой для такой идеологии стали многие каганские функции и полномочия, которые позволяли ему воздействовать на многие стороны жизни тюркютского социума. Возглавление большой паронимической организации общества также, хотя номинально, делало его верховным собственником всего общества на правах хозяина семьи-народа.

Важнейшей частью и признаком оформления государственного права у ранних тюрков стало зарождение государственно-охранительных функций. В обычном праве нет, и в принципе не может быть понятия «мятежа» против законной власти. Если в догосударственном союзе племен один из родов не согласен с политикой союза, он может просто уйти или не согласиться без всякого риска подвергнуться наказанию за неподчинение правителю. Тем более эти роды не будут бороться за захват центральной власти. Факт борьбы за власть уже является убедительным признаком особой ценности (материальной, престижной и т.д.) власти новой формации.

В Тюрк Эле предусматривались меры принуждения, так, по данным Ildiko Ecsedy, у древних тюрков имелось понятие «мятежа» против законной власти и к нему относились два преступления: убийство кагана и вооруженное дезертирство [17, с. 13]. На частично синтетический характер «торе» указывает заимствованная у китайцев норма, когда уличенного в покушении на кагана преступника казнили вместе со всеми ближайшими родственниками, как это было в случае с Бильге каганом [10, с. 118; 4, с. 37]. Такое наказание чуждо степным правовым нормам и принципам, предусматривающим откуп материальными средствами семьей, родом убийцы даже в случае преднамеренного убийства.

Большой и однозначный материал в хрониках сохранился об удельно-лествиничной системе наследования власти древних тюрков. Без сомнения, этот раздел выходит за рамки обычного права и является, даже при условии заимствования, инновационным в политической культуре и особенно в праве ранних тюрков. Поэтому этот раздел можно целиком отнести к малому торе. В случае смерти кагана или кого-либо из вельмож происходит организованное смещение людей на должностях. Все члены династии передвигаются на одну ступеньку внутреннего статуса вперед. У ашинаидов это выражалось, как мы упоминали, также через пространственные формы. У рядовых кочевников статус индивида изменялся при достижении им определенного возраста, с изменением семейного статуса, рождением детей и внуков. Принцип взят из обыденной жизни кочевых скотоводов. В своей основе «торе» является узаконенным, модифицированным в политическом направлении вариантом патронимических отношений рядовой кочевнической семьи и высшим патронимическим участком большой патронимической организации тюркютского общества.

Мы указывали, что общество кочевых скотоводов состоит из малых общин, которые составляют нуклеарные семьи частных собственников семейного стада. Порядок и принцип наследования собственности внутри семьи, переход старшинства в сегментире-

емом хозяйстве лежат в основе института «братской семьи» [14] или удельно-лествиничной системы у ашинаидов. По мнению Ю.А.Зуева, термин «удельно-лествиничная система» не совсем удачен, так как он напрямую отсылает к древнерусской системе наследования великокняжеской власти с участием церкви, определенного обряда и т.д. и не является полным аналогом древнетюркского института [11, с. 36], согласившись с этим утверждением, мы продолжим пользоваться термином «удельно-лествиничная система» в виду давнего использования и лучшего понимания ситуации.

По содержанию это порядок занятия государственных должностей и регулирования политических отношений на основе соблюдения внутренней, родовой, патронимической иерархии, возведенной в закон. В памятнике в честь Кюль-тегина данный закон описан следующим образом: «После них стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами» [2, с. 228, 233]. Китайские хроники также подчеркивают данный момент тем, что постоянно подчеркивают «минование» при передачи власти старших сыновей правителя [16, с. 95]. Для средневековых дворцовых историков был в диковинку такой порядок передачи власти, так как в Чаньани издревле существовал майорат.

В этой ситуации выборы на каганский и ханский престолы при всей их формальности и предопределенности продолжали оставаться не как рудимент, а вполне актуальный и живой инструмент, отвечающий за традиционность и незыблемость основных устоев общества, а также политический процесс легитимизации высшей власти, т.е. выборщики также обладали влиянием при принятии решения по очередной кандидатуре.

Кандидатуры могли быть отвергнуты, если возникали сомнения в принадлежности к высшему клану, недостаточном авторитете претендента и по другим причинам. Видимо, ашинаиды и ашидэ сами внутри себя обсуждали достоинства тех или иных кандидатов, приоритет их прав на престол и лишь потом выносили кандидатуру на голосование совета знати и авторитетов Эля. О неоднозначности передачи власти только от старшего брата к младшему подтверждает M.R.Drompp, который приводит следующую статистику: из пяти сыновей Бумыня только трое были старшими каганами [16, с. 95]. Он насчитал в хрониках восемь случаев перехода власти от старшего к младшему брату, три случая от отца к сыну (впрочем, кроме случая с Таспар каганом, остальные могли быть отнесены к удельно-лествиничному) и один случай от кузена к кузену [18, с. 40]. Данные примеры не отвергают удельно-лествиничный принцип наследования власти, скорее даже подтверждают, но вполне ясно

дают представление о том, что тюркютский государственный механизм отвечал при необходимости рациональным принципам и не был чужд меритократизму.

При внимательном изучении данного государственного института, мы находим в его основе модернизированный вариант старого традиционного внутрисемейного наследования имущественного и общественного статуса, а со времен «Тюрк Эля» - государственного статуса сородичами на основе патронимического (старшинского) принципа во внутренней патронимической иерархии рода Ашина. Заслуга Мугань-кагана в том, что он примерно на 30 лет упорядочил порядок занятия государственных постов в I тюркском каганате и определил принцип, которым руководствовались при избрании на высший политический пост в дальнейшем. Он организовывал те звенья «царского» рода, которых не было раньше в таком этносоциальном объединении, как род, и нет в других родах. При этом ошибочно было бы думать, что верховный каган каким-то образом руководил патронимической иерархией ашинаидов. Особенность этой организации в том, что она основана на биолого-генетических законах воспроизводства человека человеком и способна в системе общественных отношений функционировать объективно по той простой причине, что никакой социум не может установить контроль над рождаемостью.

С другой стороны, на очень длительный период было достигнуто три цели. Во-первых, у большинства ханов-наместников вместо сепаратистских идей появляется заинтересованность в поддержании существующего порядка, т.е. государственного строя и центральной власти, т.к. появляется реальная возможность занять когда-либо более высокий пост и приобрести соответствующие ему привилегии. Система позволяла всем ближайшим потенциальным престолонаследникам при определенном удобном стечении обстоятельств занять каганский престол. Сводится к минимуму вероятность выборов несовершеннолетнего претендента, что очень важно в обществах, где государственная власть сильно зависима от личности лидера, а также вместо естественного для аграрных обществ сегментирования и постоянного выделения старшей династийной линии весь верховный род спланируется для решения задач государственного управления [3, с. 57].

Оформление удельно-лествиничной системы при Мугань кагане, по мнению Л.Н.Гумилева, привело к тому, что будто бы сыновья Исиги Коло (Кара) кагана оказались вне действия закона и лишились прав на престол [9, с. 25]. Однако это утверждение опровергается историческими фактами: воцарением на престол каганов сыновей Исиги кагана в период после Таспар кагана, вначале Шаболио (Ниету), а после его смер-

---

ти, в 587 году, – Чулохоу. Да и сам переход власти до Мугань кагана в целом не нарушал данный принцип. Удельно-лествиничная система однозначно существовала в государственном объединении хуннов, по сведениям Ю.А.Зуева, у усуней и в других кочевых государствах, т.е. до официального оформления данной норма была действующей.

Процедура и ритуал принятия государственных решений, наделение уделом всех, носящих титул тегин, союз ашина и ашидэ, а также принципы мобилизации и управления войсками, механизм функционирования государственного аппарата и другие моменты являются свидетельством четкого функционирования тюркского установления – торе и постоянной организации по управлению обществом, подчиненным ашинаидам.

В основе «торе» лежит инициативное право правителей созывать всеобщее ополчение, созывать народное собрание и т.д. Данным выделенным явлением государственная власть коренным образом отличается от потестарной, где таким правом обладает любой эр. Право на властную инициативу или внепаритетные права основного рода выходят за рамки многоаспектных паритетных отношений в обществе и придают власти политический, государственный характер.

В силу верховенства в патролинейной иерархии древнетюркского этноса, ашинаиды и ашидэ автоматически получают право занимать, назначать и перемещать высшие хозяйственные и военные посты в создаваемой ими государственной организации. Таким образом, при поддержке всего общества данные посты в первой половине VI века превращаются из потестарных в политические, т.к. наделяются дополнительными полномочиями, параллельно теряют характер выборности, монополизируют верхнюю часть бюрократического аппарата каганата и создают условия для управления другими координирующими органами общества. О характере этой власти можно судить по материалам енисейских кыргызов, у которых отсечением головы каралось невыполнение посольских обязанностей, так же наказывали тех, кто подал государю неблагоприятный совет [7, с. 78].

С выбором Эль-хана завершается образование древнетюркского государства «Тюрк-Эль», которое базируется на естественном образом (через степную иерархию) полученном доминировании одного рода над всем объединением и патронимическом соподчинении других.

Ашинаиды в лице эль-хана Бумыня присваивают при согласии всего общества право назначать первоначальных четырех основных ханов (которые по старому обычному праву избирались) объединения,

причем только из числа своих совершеннолетних сыновей, племянников и младших братьев.

Ашинаиды получают исключительное право на обладание сакральной долиной и главной ставкой тюрков - Отукенской землей, где с 552 г происходят выборы на высший государственный пост - каган. Каган всех тюрков был легитимным, будучи избран только в этой долине и только из рода Ашина [6, с. 18-23]. Правда, к XI веку значение Отукена упало, и уже для Махмуда Кашгарского это было лишь названием места в «степях татар» [5, с. 309]. В последний раз правом избрания в священной долине воспользовался карлукский Бильге Кюль Кадыр хан, которого в 840 году после разгрома совместно с кыргызами Уйгурского каганата провозгласили Ильмалысын каганом [12, с. 123].

Глава государства автоматически становится и первосвященником, возглавляя проведение основных религиозных ритуалов при двух всеобщих тюркотоуцзюэ праздников в году.

Каган обладал правом на власть через происхождение, возраст и семейное положение в династии. Он обладал правом созывать всеобщее ополчение, назначать в соответствии со статусом в элитном роде на государственные посты ашинаидов, возглавлял основные военные операции, своим авторитетом утверждал судебные решения по значительным вопросам жизни государства, председательствовал на совете родовых старшин-бегов, вводил новые законодательные акты, занимался оперативным управлением обществом и армией, принимая в пределах своей компетенции отдельные решения, а через заседания Совета бегов - основополагающие.

Исключительным государственным правом были заключение межгосударственных договоров, междинастийных браков и вопросы, связанные с взаимоотношениями с подчиненными обществами.

Данные инновационные права позволяли государственным руководителям достаточно широко распространять свою властную инициативу, порой создавая впечатление абсолютности. Пределы этой инициативы часто граничили с пределами авторитета и популярности кагана у простого народа. Поэтому популизм был частью политической деятельности.

Для организованного занятия всех высших постов законодательно закрепляется удельно-лествиничная система замещения на постах умирающих (выбывающих по разным причинам) родственников, которая также является продуктом патронимической организации общества. Однако автоматического занятия должностей, как это описано у Н.Я.Бичурина в отношении сюнну, не было. Большую роль в распределении должностей играл сам каган, который распределял как по родственным рангам, так и исходя из

политической целесообразности и личной преданности кандидата.

Стремлением закрепить свою власть в обществе, расширить ресурсы центрального управления государством продиктовано, полученное каганом право, назначать управляющими в завоеванных областях и крупных населенных пунктах представителей только из числа семьи царствующей династии.

При Мугань кагане, как известно из письменных источников, вводится фискальное право. Конечно, древнетюркское общество знало отдельные виды разовых налогов, но с этого времени налоги становятся привилегией государства. Они упорядочиваются и становятся регулярными. В качестве обоснования данной меры в государственной идеологии по примеру соседних китайских государств узаконивается понятие «владения» правителем всеми благами государства, часть из которых он милостиво оставляет народу и лишь малую часть берет себе для обеспечения безопасности общества, содержания личной (каганской) гвардии, создания резерва оружия и т.д.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что «торе» реально существовал и был качественным инструментом разрешения правовых проблем как внутри Тюрк Эля, так и среди подконтрольных тюркам социумов. Данный правовой институт - реакция тюркского общества на новые реалии развития их социума после 550 года и качественно новое в правовом поле тюрков юридическое явление, которое по форме, характеру, принципам и решаемым задачам отличается от обычного права тюркоязычных nomadov. Функционально оно обеспечивало вплоть до Нового времени политические организации тюркских обществ эффективным, авторитетным инструментом для решения в основном внутригосударственных проблем и задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен IX-XIII вв. Ашхабад: Илим, 1967. - 295 с.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в древности в Средней Азии. М.-Л.: АН СССР, 1950. - Т. 2. - 381 с.
3. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М.: Клышников-Комаров и К, 1993. - 524 с.
4. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. - 332 с.
5. История Казахстана. Алматы: Атамұра, 1996. - Т.1. - 539 с.
6. Кляшторный С.Г. Эпоха Махмуда Кашгарского. // Советская тюркология. - Баку: Илим, 1972. - №1. - С. 18-23.
7. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992.
8. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази хана хивинского. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1958.- 192 с.
9. Койчуев Т. и др. Кыргызы и их предки. Бишкек: Кыргызская энциклопедия, 1994. - 128 с.
10. Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII-XIII вв.). М.: Наука, 1986. - 264 с.
11. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: АН СССР, 1951. - 111 с.
12. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. - 320 с.
13. Сапаргалиев Г.С. Армян Торе битиге. Перевод кыпчакской версии. //www. Gypchag. Freenet. kzl.
14. Устная консультация с Зуевым Ю.А.
15. Юридический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1999. - 368 с.; Сапаргалиев Г.С. «Армян Торе битиге». Перевод кыпчакской версии //www. Gypchag. Freenet. kzl.
16. Drompp M.R. Supernumerari Sovereigns: Superfluity and Mutability in the Elite Power Structure of the Early Turks (Tu-jue). // Rulers from the Steppe. State formation on Eurasian Periphery. Vol.2, Nomads: Masters of the Eurasian Steppe. Los Angeles, 1989. С.92-115.
17. Ecsedy I. Tribe and empire, tribe and society in the Turk age. //Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Tomus XXXI (1), 1977. - С. 3-15.
18. Golden P. Khazar studies. Akademiai Kiado. Budapest, 1980.

Жумаганбетов Талгат (25.01.1965 г.р.), кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе и международным связям Актюбинского института Алматинской академии экономики и статистики Республики Казахстан. Автор свыше 70-ти научных публикаций по древней и средневековой истории Центральной Азии, а также 3-х учебных пособий и двух монографий.